

Я. Малингуди

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ СВЯЗИ В X ВЕКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИПЛОМАТИКИ*

Введение

Договоры между Русью и Византией в X в.¹ — одна из тех тем, которые неизменно привлекают внимание историков. В советской исторической литературе (и не только в ней) они были признаны древнейшими правовыми памятниками на русском языке, которые доказывают существование в X в. княжеской канцелярии в Киеве и энергичную дипломатическую деятельность молодого русского государства. Работ на эту тему накопилось великое множество. Тем не менее многие важные проблемы остались неразрешенными, например: границы текста; соотношение и форма договоров (идет ли там речь только о русских обязательствах или также о византийских, являются ли договоры лишь проектами или утвержденными правовыми документами, каким был их язык. Кроме того спорной остается и интерпретация многих мест текста. Одним словом, достигнутые результаты отнюдь не соответствуют затраченным усилиям: в течение более чем двухсотлетнего изучения договоров удалось достичь согласия лишь по двум пунктам — во-первых, что договоры подлинные, и, во-вторых, что они представляют собой переводы с греческих оригиналов. Эти два общепринятых заключения и были положены в основу предлагаемого исследования.

Наша задача заключается в том, чтобы осуществить: а) дипломатическое описание структуры договоров, заключенных Византией с итальянскими городами-республиками; б) описание структуры каждого из трех русско-византийских договоров, чтобы сравнить их затем с договорами итальянскими; в) реконструкцию византийского оригинала, т.е. обратный перевод со старославянского на среднегреческий, чтобы облегчить структурное и текстологическое сравнение с итальянскими договорами.

* Я выражаю сердечную благодарность Игорю Медведеву (С -Петербург) и Андреасу Шминку (Франкфурт-на-Майне) за прочтение рукописи и ценные замечания

¹ Они дошли до нас только в старославянском переводе в летописи Нестора под 907, 912, 944 и 971 годами. Для данной работы было использовано издание: *Адрианова-Перец В.П. Жизнь временных лет. М.; Л. 1950. Т. 1: Текст и пер. Д.С.Лихачева и Б.А.Романова; Т. 2. Приложения*

При рассмотрении многочисленных работ, посвященных русско-византийским договорам, бросается в глаза преобладание исторических исследований, а филологических, юридических и дипломатических значительно меньше².

Не сохранилось ни одного документа с текстом международных договоров Византии, который относился бы к концу X в.³ Именно это обстоятельство, т.е. полное отсутствие сравнительного материала для интересующего нас периода, и заставляло сравнивать русские договоры с византийско-персидским договором 562 г. Но и этот договор не сохранился в полном виде, хотя источники донесли описание процедуры⁴, которой следовали при его заключении персы и византийцы. С XIX в. в историографии окончательно утвердилось убеждение, что "русские" договоры заключались точно таким же способом и должны изучаться по аналогии с этим единственным случаем.

Такой подход и завел, на мой взгляд, исследование в тупик: из поля зрения совершенно выпал тот факт, что использованные в 562 г. методы (переговоры через посредников с обеих сторон, вместо ратификации — заявления обоих государств об одобрении заключения договора) — лишь одна из альтернатив. По неизвестным нам причинам в данном конкретном случае из множества возможных и одинаково употребительных в византийской дипломатической практике способов ведения переговоров была выбрана именно эта процедура. Вне поля зрения осталось и то, что форма персидско-византийского договора (как она передана у Менандра Протиктора) сложилась в результате совершенно определенной процедуры переговоров и в случае, если бы переговоры велись иначе, как сам ход заключения договора, так и форма и структура документа выглядели бы совершенно иными.

Несмотря на недостаток источников, на мой взгляд, возможно установить, каким образом велись переговоры при заключении трех русских договоров и каковы их внутренние отличительные признаки, если воспользоваться в качестве сравнительного материала другими договорами, дошедшими до нас от тех времен.

Самые ранние внешнеполитические договоры Византии, сохранившиеся дословно, — это, как известно, соглашения, заключенные в XI и XII вв. с италъ-

² Привожу лишь несколько работ, в каждой из которых можно найти более обширный список литературы — исторические исследования: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3, с. 81—108; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси М., 1980; *Он же* Дипломатия Святослава. М., 1982; *Он же* Поход Руси на Константинополь в 907 году // История СССР 1977. N. 6, с. 72—103; *Vasiliev A.A.* The Second Russian Attack on Constantinople // DOP. 1951. Vol. 6. P. 161—225; работы по дипломатике: *Mikucki S.* Études sur la diplomatie russe la plus ancienne // Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres: Classe de philologie. Nr. Supplémentaire 7. Crakovie, 1953. I^e partie. P. 1—140; II^e partie. // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, prace historyczne* 26, Kraków, 1960, N. 4. P. 137—145; *Sorlin I.* Les traités de Byzance avec Russie au X^e siècle // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1961. N 3. P. 313—360; 1961. N 4. P. 447—475; *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. М., 1972. С. 209—215; лингвистические исследования: см. в сносках к продолжению данной статьи в т. 57 "Византийского временника".

³ Ср.: *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre (Далее. Urkundenlehre). München, 1868. S 94; *Koder J.* Das Sigillion von 992 — eine "außenpolitische" Urkunde? // BS. 1991. Bd. 52. S. 40—44.

⁴ *The History of Menander the Guardsman / Introd., Essay, Text, Transl. and Historiographical Notes* by R.C. Blockley. Liverpool, 1985. S. 6. 1—3; 54—91; *Güterbock K.* Byzanz und Persien in ihren diplomatisch-völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians, B., 1906.

янскими городами-республиками Пизой, Генуей и Венецией. Они имеют форму *Chrysobulloi Logoi*⁵ и некоторые из них включают в качестве *inserta* встречные документы, т.е. акты, составленные городами-республиками и отправленные византийскому императору. Именно эти встречные документы содержат важнейший сравнительный материал для нашего исследования, поскольку сохранившиеся в летописи Нестора тексты русско-византийских договоров представляют собой не что иное, как встречные документы — это мы постараемся показать в нашей работе.

Сохранившиеся итальянские встречные документы имеют различную структуру, поскольку вырабатывались по-разному⁶. Та или иная форма документирования договора определялась способом, избранным для ведения переговоров, предшествовавших его заключению: на признании этого факта и строится наше исследование. Вот почему сначала мы выделили схему и основные формулы сохранившихся итальянских встречных договоров, чтобы иметь затем возможность сопоставить их с русскими. В результате этого исследования мы получили не только ряд новых знаний о русских договорах, облегчающих интерпретацию темных мест текста, но и смогли сделать некоторые наблюдения касательно византийской практики заключения договоров в X в.

Заключение договора: непосредственное и сложное

Как известно, дипломатика различает две процедуры, которые предшествовали в средние века заключению договора: *сложную* и *непосредственную*.

Сложная процедура применялась в тех случаях, когда один из двух государей, участвовавших в переговорах, выступал через своего представителя. В этом случае он принимал участие в выработке договора лишь опосредованно (либо сам византийский император посылал своих посредников к иностранному государю, либо, что случалось чаще, иностранный государь⁷ вступал через своих посредников в контакт с византийским императором в Константинополе)⁸. При такой сложной процедуре сам акт договора складывался из трех взаимообусловленных правовых процессов: а) из передачи посредникам полномочий от представляемого ими государя; б) из заключения договора полномочными посредниками; в) из ратификации

⁵ Об императорских грамотах см.: *Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre; Dölger F. Byzantinische Diplomatiek. Ettal, 1956.*

⁶ Об итальянских встречных грамотах см.: *Heinemeyer W. Die Verträge zwischen dem oströmischen Reiche und den italienischen Städten Genua, Piza und Venedig vom 10. bis 12. Jhd. // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. (1957). Bd. 3. S. 79—161; Idem. Studien zur Diplomatik mittelalterlicher Verträge, vornehmlich des 13. Jhd. // Archiv für Urkundenforschung. (1936). 14. S. 321—413; Bittner L. Die Lehre von den völkerrechtlichen Vertragsurkunden. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1924. S. 4ff.*

⁷ Под словом "государь" здесь следует понимать государственную инстанцию, в обязанности которой входило заключение международных договоров.

⁸ Все византийско-итальянские договоры заключались между посредниками с одной стороны и самим государем с другой, хотя Византия, судя по персидско-византийскому договору 562 г., знала и другую процедуру, когда переговоры велись между посредниками с обеих сторон. Разумеется, государь, с которым вступали в контакт посредники другой стороны (как правило, византийский император), лично все время не присутствовал при переговорах. Обычно переговоры вел его чиновник (логофет дрома), но окончательная договорная грамота составлялась от лица императора. Ср.: *Dölger F. Diplomatiek... S. 239.*

достигнутых соглашений государями. Только после третьего акта, т.е. *только после ратификации*, договор получал правовую силу.

Таким образом, первый правовой акт сложной процедуры состоял в том, что государь, желавший быть представленным при выработке и заключении международного договора, назначал своих посредников и наделял их полномочиями. Передача полномочий имела форму письма (в дальнейшем: "*уполномочивающее послание*"), которое вручалось другой договаривающейся стороне. В нем государь сообщал своему партнеру, на что он уполномочил своих представителей, и одновременно обещал признать, т.е. ратифицировать, достигнутые посредниками соглашения⁹.

Полномочия посредников сводились главным образом к тому, чтобы выработать условия договора, заключить его и скрепить клятвой. Случалось, однако, и так, что один посредник участвовал только в выработке договора и заключал его в документальной форме, а другие посредники уполномочивались на то, чтобы принести клятву соблюдать уже выработанный и заключенный их коллегой договор. Именно так заключался договор с Пизой от 1170 г. Полномочия могли ограничиваться только скреплением клятвой договора, особенно в тех случаях, когда речь шла о возобновлении старого договора. Однако нормальным было, по всей очевидности, наделение посредников всеми полномочиями (и для выработки условий договора, и для заключения и скрепления его клятвой), что практически было более целесообразным ввиду плохих условий сообщения между странами. Вторая важная часть уполномочивающего послания — *ратификационное обязательство*, т.е. обещание государя одобрить и поддержать соглашения, к которым пришли его посредники.

До нас дошли два подобных уполномочивающих послания от XIII в. В первом, от 1265 г., венецианский дож сообщает византийскому императору, что он уполномочил двух своих представителей (*ἀνεθέμεθα πληρεστάτην δύναμιν καὶ ἐξουσίαν*) вести переговоры (*τρακταΐσαι*), заключить договор (*ποιῆσαι καὶ ἀναλαβεῖν ὑποσχόμεσις καὶ ὀρκωμοτῆκὰ δι' ἡμᾶς*) и скрепить его клятвой. Дож и венецианская община обязуются признать, т.е. ратифицировать, результаты переговоров (*ὑποσχόμεθα ἡμεῖς ... ἔχειν εἰς ἡμᾶς τὸ στέργον καὶ ἀποδεκτέον καὶ στερεῶν*)¹⁰. Во втором уполномочивающем послании императору точно так же сообщается, что Венеция поручает (*ἀνατιθέμεν*) двум своим представителям, наделяя их соответствующими полномочиями (*πλήρη δύναμιν καὶ ἐξουσίαν αὐτοῖς διδόμεν*) вести переговоры с императором, заключить с ним соглашение и подкрепить его, т.е. принести клятву (*παρὰ χωροῦμεν τοῦ τρακταΐσαι, ποιῆσαι καὶ στερεῶσαι τρέβαν μετὰ τοῦ... κυρίου Μιχαήλ*). Ратификационное обязательство этого уполномочивающего послания сформулировано в следующих выражениях: *ὑπισχνούμενοι... βέβαιον καὶ στερεῶν ἔχειν καὶ κρατεῖν πάντα καὶ ἕκαστα ἀτινα οἱ ῥηθέντες εὐγενεῖς... ποιήσουσι*¹¹. Те же самые или аналогичные формулировки используют и византийские императоры, упоминаемая в хрисовулах уполномочивающие послания представителей своих партнеров. Так, например, в хрисовуле, данном генуэзцам в 1192 г., мы читаем, что их представители получили полномочия заключить с императором соглашение, которое они затем записали в виде документа и подтвердили

⁹ Ср.: Dölger F., *Karayannopoulos J. Urkundenlehre*. S. 96, 99. Они обозначают уполномочивающее послание словом "аккредитив".

¹⁰ MM. 3. 83.11—35. Сохранилось в хрисовуле Михаила VIII для Венеции от 1265 г.

¹¹ Ibid. 85.7—34. Сохранилось в хрисовуле Михаила VIII для Венеции от 1277 г.

клятвой (ἀποκρισιάριοι... τῆς Γενοῦας... ἐνδεδομένον ἔχοντες συμφωνῆσαι μετὰ τῆς βασιλείας μου... ἃ δῆτα καὶ ἐνετάλθησαν, καὶ μέντοι μετὰ πολὺν τρακταϊσμόν... συνηρέσθησαν εἰς τὰ δηλούμενα ἐν τῷ... ἐγγράφῳ τῷ καὶ σωματικῷ ὄρκῳ παρ' αὐτῶν βεβαιωθέντι)¹².

В другом хрисовуле для Генуи от 1170 г. содержание уполномочивающего послания генуэзцев передано таким образом: οἱ... κόνσουλοι... τῆς Γενοῦας ἐξαποστείλαντες πρὸς τὴν βασιλείαν μου ἀποκρισιάριον... Ἀμίκον δὲ Μοῦρτα, ἐνδεδώκασιν τοῦτῳ τρακταῖσαι καὶ συμφωνῆσαι μετὰ τῆς βασιλείας μου, ὃ δὲ καταλαβὼν... τρακταῖσας ἐποίησε συμφωνίαν ... καὶ δι' ὄρκου βεβαιωθεῖσαν¹³.

Второй правовой акт сложной процедуры состоял в том, что посредник фиксировал письменно выработанные материальные пункты соглашения, т.е. изготавливал так называемую посредническую грамоту¹⁴. Она строилась по определенным правилам, о которых ниже. Каждая из сторон подготавливала свой документ, в котором излагала принимаемые ею на себя обязательства по отношению к партнеру. Для большей верности и во избежание споров, которые могли возникнуть в будущем, посредники иногда включали в свою грамоту также целиком или частично и обязательства своего партнера (в данном случае — византийского императора). То же самое делал со своей стороны и император, включая в свой хрисовул посредническую грамоту полностью или в выдержках (inserta).

Посредническая грамота скреплялась обыкновенно подписью, печатью и клятвой посредника. Однако его клятва знаменовала не заключение договора в целом, а лишь завершение второго акта сложной процедуры. Клятву посредники приносили от имени того, кто их уполномочил; они обещали, что их государь ратифицирует соглашение, которое они выработали, в той форме, в какой они его записали. Таким образом, они клялись, что и третий акт сложной процедуры также состоится и договор получит правовую силу. Клятва посредника была лишь одной из дополнительных гарантий записанного текста договора; ее никоим образом не следует путать с той клятвой, посредством которой глава государства ратифицировал договор, т.е. "ратификационной клятвой". Клятва посредника приносилась лишь для того, чтобы подтвердить обязательство государя ратифицировать зафиксированные в документе соглашения¹⁵.

Третий правовой акт сложной процедуры — ратификация посреднической грамоты государем, который вел переговоры через посредника¹⁶. Ратификация по определению есть отчетливо выраженное правовое волеизъявление государя, которым он признает соглашения, достигнутые его представителем¹⁷. Только после ратификации соглашения получали правовую силу и договор считался заключенным. Право заключать договор имел лишь государь (в итальянских городах-республиках это могли быть община, консулы или сенаторы); право это не могло передаваться кому бы то ни было.

¹² Ibid. 26.6—15.

¹³ Ibid. 35.3—9. О полномочиях говорится также в послании Исаака I Ангела генуэзским властям от апреля 1192 г., где снова встречаются выражения: ἐνδεδομένον ἔχειν, τρακταϊσμός, ἐγγράφον ποιεῖν.

¹⁴ Ср.: Heinemeyer W. Verträge... S. 97ff

¹⁵ Heinemeyer W. Studien... S. 387.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Bittner L. Die Lehre... S. 233ff.; Heinemeyer W. Verträge... S. 150ff.; Idem. Studien... S. 388, 405.

Ратифицируя договор, общины (коммуны) торжественно и публично объявляли — в форме клятвы — о том, что они признают посредническую грамоту и обещают соблюдать ее условия. Видимо, представители общины в церкви в присутствии представителей византийского императора повторяли вслух все или хотя бы важнейшие обязательства, зафиксированные в договоре, вместе с клятвенной формулой (призывая в свидетели святого, Евангелие или Крест). После этого акта происходил обмен грамотами. Посредническую грамоту, получившую благодаря ратификационному акту силу правового инструмента, получали представители императора, а ратифицировавшим ее членам общины вручался императорский хривосул.

Затем представители византийского императора, принимавшие ратификационную клятву, составляли записку об этом акте, которая должна была служить дома и на будущее время доказательством того, что договор действительно обрел правовую силу. Эта записка (*notitia*), подтверждавшая факт принесения ратификационной клятвы, составлялась, по всей видимости, объективно и не имела определенной формы, ибо считалась гораздо менее существенной, нежели формальный акт принесения устной клятвы. Лишь позднее сам торжественный акт начинает утрачивать свое значение, и на первый план выдвигается документальная фиксация ратификации и обмен ратификационными грамотами, составляющий и по сей день завершающий акт в процедуре заключения "сложного" международного договора¹⁸.

Три описанные выше правовые акта сложной процедуры находили свое выражение, как мы уже упоминали, в форме определенных документов. Итальянские грамоты, составленные в результате такой процедуры, содержат подтверждение полномочий и ратификационные обещания. Следовательно, это — *посреднические грамоты*, которые еще нуждаются в ратификации государем (в данном случае — всей общиной, т.е. итальянской стороной). Мы рассмотрим их ниже.

Второй способ заключения международного договора — *непосредственная процедура*. При ней государи *сами* вели переговоры, фиксировали их результаты документально и приносили клятву. Это происходило либо при личной встрече государей, либо, если встрече препятствовала большая удаленность или какие-то иные причины, путем обмена устными или письменными сообщениями через гонцов. Эти гонцы (или послы) не имели никаких полномочий и не могли действовать самостоятельно: они лишь передавали волю своего государя. Когда договаривающиеся стороны достигали соглашения, каждая сторона — в присутствии представителей другой — подтверждала соглашение клятвой и фиксировала его документально (или наоборот: сначала записывала, а потом подтверждала документ клятвой). Этими документами стороны затем обменивались, причем каждая сторона вставляла в свою грамоту в качестве инсерта для большей верности обязательства другой стороны, как мы это видели и в посреднических грамотах.

Таким образом, правовой акт заключения договора непосредственным путем складывался из двух процедур: принесения государем клятвы и

¹⁸ *Heinemeyer W. Verträge... S. 150ff.; Idem. Studien... S. 378ff., 388ff.; Bittner L. Die Lehre... S. 4ff.; Seidl E. Der Eid im römisch-ägyptischen Provinzialrecht. München, 1935. Bd. 2. S. 49ff.*

документирования договора (или обмена документами). Если и то и другое состоялось, договор считался заключенным и имеющим правовую силу¹⁹.

Документы, фиксирующие соглашения Византии с итальянскими городами-государствами, достигнутые непосредственным путем, не содержат ни уполномочивающих посланий, ни ратификационных обещаний. Они составлены непосредственно от лица государя (т.е. всей общины, а не ее представителей) и подкреплены его клятвой, а потому не нуждаются ни в какой дальнейшей ратификации; их следует поэтому называть *заключительными грамотами*. Они содержат формулы вручения (или обмена), которыми сообщается о факте передачи заключительной грамоты, ибо только после передачи получателю такая заключительная грамота могла считаться доказательством совершения правового действия и заключенный договор обретал силу. (О заключительных грамотах см. ниже.)

Посреднические грамоты городов-республик Пизы, Генуи и Венеции

От XII в. сохранилось шесть грамот, в которых представители итальянских городов-республик Пизы, Генуи и Венеции по окончании переговоров в Константинополе излагают обязательства своих родных городов в отношении византийского императора.

Ни один из этих документов не сохранился в своей первоначальной форме; все они дошли до нас лишь как инсерты в императорских хривосулах (либо на греческом языке, либо в латинском переводе). Один из этих шести документов вставлен в императорский хривосул заведомо не полностью; насколько полно включены остальные пять, также неизвестно. Отсутствие обращения и даты в начале и в конце некоторых из них указывает, скорее всего, на то, что они были опущены лишь при включении в императорскую грамоту. Речь идет о следующих посреднических грамотах:

1. Грамота пизанского посредника Альберто от 1170 г. Хотя Пиза отправила в Константинополь трех своих представителей, лишь один из них был уполномочен вести переговоры и заключить договор. Двое других имели право лишь подтвердить клятвой заключенное их коллегой соглашение и потому записали свою клятву в отдельной грамоте²⁰.

2. Грамота пизанских посредников Гаитано и Сигерио от 1192 г. Клятва, которой они подтверждали составленную ими договорную грамоту, записана отдельно как самостоятельная грамота²¹.

3. Грамота генуэзского посредника Амико де Мурта от 1169 г. Имеется только в латинском переводе, в двух редакциях²².

4. Грамота того же генуэзского посредника Амико де Мурта от июля-августа 1170 г.²³

¹⁹ *Bittner L. Die Lehre... S. 277ff.; Heinemeyer W. Studien... S. 342ff.*

²⁰ Посредническая грамота см.: ММ 3, 14.14—15. Отдельная клятвенная грамота см.: ММ 3, 15.4—16. О хривосуле см.: *Dölger F. Regesten. N 1499; Heinemeyer W. Verträge, 127ff.; Lilie R.J. Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi. Amsterdam, 1984. S. 77.*

²¹ Посредническая грамота см.: ММ. 3. 5.17—8.11. О договоре см.: *Dölger F. Regesten. N 1607; Heinemeyer W. Verträge... S. 98, 128ff.; Lilie R.J. Handel... S. 79ff.*

²² Первая редакция см.: *Liber iurium Reipublicae Genuensis. T. 1 (= Historiae Patriae Monumenta 7), 1854. P. 252.43—255.40; вторая редакция, цит. нами, см.: JUS. 1. S. 417.18—420.34. О договоре см.: *Dölger F. Regesten. N 1488; Heinemeyer W. Verträge... S. 99ff.; Lilie R.J. Handel... S. 87ff.**

²³ ММ. 3. 33.32—34.35. *Dölger F. Regesten. N 1497/98 (Mai 1170); Lilie R.J. Handel... S. 87ff.*

5. Грамота генуэзских посредников Торнело и Спинола от 1192 г. Их клятва, как и во второй грамоте, представлена в форме самостоятельного документа²⁴.

6. Грамота венецианских посредников Михаила и Квирина от 1198 г. От этой посреднической грамоты включена в текст хрисовула только ее диспозиция. Клятва записана отдельно, как во второй и пятой грамоте. Обе грамоты — и посредническая, и клятвенная — сохранились только в латинском переводе²⁵.

Внутренние признаки посреднических грамот

Под внутренними признаками понимают обычно, с одной стороны, протокол, а с другой — текст с формулами. К внутренним признакам относятся также порядок расположения формул в грамоте и их словесное выражение²⁶.

I. *Invocatio*. С инвокации начинаются две генуэзские посреднические грамоты; в первой призывается имя Отца и Сына и Св. Духа: (ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος); во второй — то же, но в латинском переводе и с "аминь" в конце: in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti amen²⁷. Такая инвокация с призыванием Троицы была обычна в Византии с VIII в.²⁸ В 72 новелле императора Льва VI призывание имени Божьего (вместе со знаком креста) признается необходимым условием, без которого документ не имеет силы. Инвокация и крест рассматривались как обязательные предпосылки правомочности любого документа, что объясняется, вероятно, мыслью, что грамота, которая пишется во имя Господа, не может писаться с дурными намерениями²⁹.

II. *Intitulatio*. В пяти представительских грамотах (в шестой интитуляция опущена) перед именем посредника стоит личное местоимение ἐγώ (я) или ἡμεῖς (мы). После местоимения идет имя или фамилия посредника, который одновременно является и составителем документа. Между местоимением и именем может вставляться титул или название должности составителя; название места, откуда он прибыл, может стоять как впереди, так и позади имени.

III. *Данные о полномочиях*. Здесь нужно отметить следующее: всё, что касается полномочий, должно было содержаться в верительном письме, которое посредники привозили с собой в Константинополь и обязаны были предъявить императору до начала переговоров. Таким образом, в посреднической грамоте более или менее полностью приводится содержание верительного письма; тем самым указывалось еще раз, что посредник действует

²⁴ MM. 3. 26.15—30.25. Ср.: Dölger F. Regesten. N 1610; Heinemeyer W. Verträge... S. 98ff., 128ff. Клятва: MM. 3. 30.26—31.23.

²⁵ JUS. 1. 470.29—474.17. Ср.: Dölger F. Regesten. N 1647; Heinemeyer W. Verträge... S. 90; Lilie R.J. Handel... S. 41ff.

²⁶ Ср.: Redlich O. Einleitung. S. 23; Erben W. Die Kaiser- und Koningsurkunden des Mittelalters. München; B., 1907.

²⁷ MM. 3. 33.32; JUS. 1. 417.19. Как уже отмечалось, на вопрос, имелась ли инвокация также и в других посреднических грамотах, ответить мы не можем, хотя это весьма вероятно.

²⁸ Dölger F., Karayannopoulos J. Urkundenlehre... S.76; Brandt K. Der byzantinische Kaiserbrief aus St. Denis // Archiv für Urkundenforschung. (1908). Bd. 1. S. 33.

²⁹ Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики. Л., 1988. С. 53 и след.

по поручению своего государя и является полномочным его представителем. В этой части грамоты могут приводиться следующие данные:

а) Служебное положение составителя грамоты. Обычно посредники называют себя послами (ἀποκρισιάριοι) своих коммун.

б) Названия пославших их органов, иногда и имена должностных лиц, отправивших их с поручением.

в) Имя и титул получателя верительного письма (т.е. императора), с предлогами πρὸς с винительным падежом или μετὰ с родительным. Обычно прибавляется множество украшающих эпитетов, выбор которых, видимо, не определялся какими-либо правилами.

г) О наделении полномочиями, в том числе и о конкретных поручениях, а иногда здесь же и о предмете договора сообщается в самых разных выражениях; мы уже упоминали, что устоявшейся терминологии для этого в средние века еще не было. Посол получал "власть и обязанность" заключить и подтвердить клятвой договор ("accipiens potestatem et injunctum ab eis, ut quicquid juravero et conveniero"...; "λαβὼν ἐξουσίαν καὶ ἐνδόξιμον"). Он либо обязывался неукоснительно следовать данному ему поручению, которое описывалось точно (ἐνδεδομένον ἔχοντες, κατὰ τὸ ἐντεταλμένον ἡμῖν), либо должен был действовать сообразно воле и наставлениям того, кто его отправил (ἐξ ὀρίσμου καὶ θελήσεως, ἐξ ἐντολῆς)³⁰.

С синтаксической точки зрения интитуляция представляет собой подлежащее того сказуемого, с которого начинается диспозитивная часть грамоты (см. ниже). Данные о полномочиях либо просто вставляются между интитуляцией и глаголом диспозиции, либо образуют вместе с ними сложную синтаксическую конструкцию, как явствует из следующих цитат:

1. Genua 1170: "ἐγὼ ὁ Ἀμίκος δὲ Μούρτα ὁ Γενουίτης, ἀποσταλεῖς παρὰ τῶν κονσούλων καὶ τῶν συμβούλων πάντων τοῦ κάστρου Γενούας καὶ λαβὼν ἐξουσίαν καὶ ἐνδόξιμον παρ' αὐτῶν, ὡς ἂν ὄπερ ἐπομόσομαι, συμφωνῶν προσώπῳ τῶν Γενουιτῶν μετὰ τοῦ ὑψηλοτάτου βασιλέως Ῥωμαίων τοῦ πορφυρογεννήτου κύρ Μανουήλ τοῦ Κομνηνοῦ, στερχθῆ τοῦτο καὶ παρ' αὐτῶν, τὴν παροῦσαν συμφωνίαν ποιῶ καὶ ἐπομνύω"³¹.

2. Genua 1169: "Ego Amicus de Murta, civis Janue, legatus ab Archiepiscopo civitatis Janue et a Consulibus et ab omni Communi civitatis Janue, accipiens potestatem et injunctum ab eis ut, quicquid juravero et conveniero vice Janue cum sanctissimo et excellentissimo Imperatore Romeon Porfirogenito Domino Hemanuele Comino, firmum et ratum erit hoc ab eis: hanc presentem convencionem facio et juro..."³².

3. Genua 1192: "ἡμεῖς οἱ ἀποκρισιάριοι τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Γενούας, ὁ τε Γιλίελμος καὶ ὁ Γίδος Σπίνουλας, ἀποσταλέντες παρὰ τοῦ ἐξουσιαστοῦ τοῦ κάστρου Γενούας τοῦ Μανετόλδου δὲ Βρέσας καὶ τῶν κονσούλων καὶ συμβούλων καὶ τοῦ λοιποῦ πληρώματος τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Γενούας πρὸς τὸν κραταῖον καὶ ἅγιον βασιλέα Ῥωμαίων καὶ αἰεὶ αὐγουστον, κύρ Ἰσαάκιον τὸν Ἄγγελον ἐφ' ᾧ κατὰ τὸ ἐντεταλμένον ἡμῖν τὰ συμφέροντα τῆς χώρας ἡμῶν ἀπὸ τῆς ἀγίας αὐτοῦ βασιλείας ζητῆσαι..."³³.

4. Pisa 1170: "ἐγὼ ὁ κόνσουλос τῆς Πίσσης Ἀλπέρτος ἀποσταλεῖς ἀπὸ τῆς χώρας τῆς Πίσσης ἀποκρισιάριος πρὸς τὸν κύριον ἡμῶν, τὸν βασιλέα Κωνσταντινουπόλεως καὶ πάσης Ῥωμανίας, τὸν πορφυρογέννητον κύριν Μανουήλ τὸν

³⁰ См. выше, с 68—69.

³¹ ММ. 3. 33.33—34.3

³² JUS. 1. 417.19—25

³³ ММ. 3. 26.15—23

Κομνηνόν, ὀμνύω ἐξ ὀρισμοῦ καὶ θελήσεως τοῦ τε ἀρχιεπισκόπου ἡμῶν, τῶν κομισούλων τῶν σενατῶρων καὶ τῆς λοιπῆς χώρας τῆς Πίσσης τὸν παρόντα ὄρκον"³⁴.

5. Pisa 1192: "ἡμεῖς οἱ ἀποκρισιάριοι τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας τῆς Πίσσης, ὁ τε Ραϊνέρης Γαϊτάνος καὶ ὁ κριτῆς Σιγέριος, ἀποσταλέντες παρὰ Τεδιτζίου τοῦ ἐξουσιαστοῦ τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας τῆς Πίσσης τοῦ υἱοῦ τοῦ κόμητος Οὐγουλίνου καὶ τῶν συμβούλων καὶ τῆς κοινότητος αὐτῆς πρὸς τὸν ὑψηλότατον βασιλέα Ῥωμαίων καὶ αἰεὶ αὔουστον, κύριον Ἰσαάκιον τὸν Ἄγγελον, καὶ ἐνδεδομένον ἔχοντες παρ' αὐτῶν ζητῆσαι ἀπὸ τοῦ βασιλέως..."³⁵.

IV. *Наррация*. В двух посреднических грамотах (генуэзской и пизанской — обеих от 1192 г.) изложена предыстория заключения договора. В наррации пизанской грамоты во всех деталях отражен ход переговоров; особенно подробно перечисляются требования пизанцев к византийцам.

V. *Диспозиция*. Это главная часть грамоты, в которой излагаются результаты усилий, предпринятых посредниками:

а) Вводная формула диспозиции обозначает само действие составителя документа; формула содержит глагол ποιῶ (facio, делаю, осуществляю), ἐκτίθημι (излагаю) или ὀμνύω, ἐπομνύω (подтверждаю клятвой, обещаю). Глагол может стоять в единственном или во множественном числе в форме настоящего времени и служит сказуемым к подлежащему интитуляции (если она не отделена от диспозиции наррацией), а сам составляемый документ является дополнением к этому сказуемому (συμφωνία, ἔγγραφον, ὄρκος, conventio). К этой же клаузуле, обозначающей сам факт составления и выдачи документа, относятся обозначения гарантий и различных мер, обеспечивающих надежность как материальных договоренностей, так и самого документа, — это клятва, собственноручная подпись и печать посредников.

б) Далее следует еще одна ссылка на органы, по поручению которых совершается юридический акт документирования достигнутых соглашений, т. е. на того, кто дал поручение данному посреднику и наделил его соответствующими полномочиями³⁶.

в) Адресат диспозиции обозначается предлогом πρὸς с винительным падежом или косвенным дополнением в дательном падеже. Адресатом является не только царствующий ныне император, чьи имя и титул названы, но и его наследники и преемники, которых также должен обязывать данный документ:

1. Genua 1169: (Ego) "hanc presentem convencionem facio et juro ex voluntate Archiepiscopi et Consulum et tocium Communis civitatis Janue ad sanctissimum Dominum Imperatorem Porfirogenitum Dominum Hemanuelem Cominom et ad omnes heredes et successores Imperii ejus et Romaniam sicut significabitur"³⁷.

2. Genua 1170: (ἐγώ) "τὴν παροῦσαν συμφωνίαν ποιῶ καὶ ἐπομνύω ἀπὸ θελήσεως πάντων τῶν Γενουϊτῶν πρὸς τὸν κύριον βασιλέα τὸν πορφυρογέννητον

³⁴ Ibid. 1.4—19

³⁵ Ibid. 5.17—23

³⁶ Второе упоминание о полномочиях находится в том месте диспозиции, где в византийских частных грамотах стоит обычно так называемая формула добровольности, которой удостоверяется, что данное распоряжение (например, продажа или дарение) совершается распорядителем добровольно: ἐκουσίως, οἰκειοθελῶς (о частных грамотах см. Медведев И.П. Очерки. С. 58). Интересно, что в посреднической грамоте генуэзцев от 1192 г. после перечисления подесты, консулов, членов Совета и всего народа Генуи, по поручению которых действуют посредники, также приводится формула добровольности (MM. 3, 29 26—31).

³⁷ JUS. I. 417.25—30

κῦρ Μανουήλ καὶ πρὸς πάντας τοὺς κληρονόμους καὶ διαδόχους τῆς βασιλείας αὐτοῦ τοὺς μέλλοντας βασιλεύειν καὶ τὴν Ῥωμανίαν, καθὼς δηλωθήσεται"³⁸.

3. Genua 1192: "τὸ παρὸν ἔγγραφον ἐκτιθέμεθα ἔκουσίως καὶ αὐτοθελῶς καὶ δίχα βίας τινός, δι' οὗ καὶ παραδηλοῦμεν, ὅτι ἐξ ἐντολῆς ἐγγράφου τοῦ τε ἔξουσιαστοῦ καὶ τῶν συμβούλων τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας ἡμῶν καὶ καταδοχῆς τοῦ λοιποῦ πληρώματος τῆς Γενούας κατὰ τὸ ἐνδοθὲν ἡμῖν παρ' αὐτῶν τὰς τοιαύτας βασιλικὰς φιλοτιμίας παραδεχόμεθα..."³⁹.

4. Pisa 1192: "ἰδοὺ διὰ τοῦ παρόντος ἡμῶν ἔγγραφον βεβαιωθῆναι ὀφείλοντος καὶ σωματικῶ ὄρκῳ ἡμῶν καὶ ταῖς οἰκειοχείροις ὑπογράφαις καὶ ταῖς σφραγῖσι τῶν ἐν τῇ Μεγαλοπόλει Πισσαϊκῶν ἐκκλησιῶν, τοῦ τε κορυφαίου ἀποστόλου Πέτρου καὶ τοῦ ἁγίου Νικολάου, συμφωνοῦμεν πρὸς τὴν βασιλείαν αὐτοῦ καὶ τοὺς κληρονόμους καὶ διαδόχους αὐτοῦ..."⁴⁰.

г) Далее следуют материальные условия договора, к которым пришли посредники в результате переговоров, т.е. собственно содержание документа. Это может быть компактный, непрерывный текст или же ряд отдельных пунктов, каждый из которых отчетливо ограничен от предыдущего вводным "item" (как в венецианской посреднической грамоте 1198 г. на латинском языке)⁴¹. Условия договора могут состоять и из одного-единственного пункта (Пиза 1170). Срок действия достигнутых договоренностей обычно указывается в самом начале; он всегда неограничен: donec mundus steterit (Генуя 1169), "ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ διηνεκές (Генуя 1170).

VI. *Запрет нарушать договор.* Вслед за материальными условиями идет обещание соблюдать их и запрет их нарушать. Иногда оговаривается, что обещание теряет силу, если вторая сторона не будет соблюдать своих обязательств:

1. Генуя 1169: "Hanc conventionem et que in ea scripta sunt capitula omnia debent habitatores tocius civitatis Janue a majore usque ad minorem observare domino Impertori Romeon Porfirogenito domino Hemanueli Comnino et omnibus heredibus et successoribus ejus et Romanie, donec mundus steterit. Et omnes futuri Consules Janue aliter fieri non debent consules, nisi prius juraverint cum consilio et consensu archiepiscopi et nobilium et communis tocius Janue sacramentum factum in hac conventionem, quatenus observetur ista conventio rata et inconcussa. Neque unquam Januenses dimittent hanc conventionem vel facient contra eam, neque pro ecclesiastica excommunicatione neque pro precepto alicujus hominis coronati vel non coronati, quemadmodum dominus Imperator et heredes ejus et successoribus Imperii sui debent observare semper, que ab Imperio suo per presens crisobulum logon promissa sunt civitati Janue"⁴².

³⁸ ММ. 3. 34.3—7

³⁹ Ibid. 29.26—31

⁴⁰ Ibid. 7.30—36. Почти такая же формула имеется в генуэзской грамоте от 1192 г., но только она помещена в конце диспозиции как формула подтверждения (Ibid. 30.20—25).

⁴¹ Эта венецианская посредническая грамота включена в качестве инсерта (частично) в императорский хрисовул (JUS. 1. 471.10—474.17). Хрисовул был составлен в субъективной редакции, а выдержки из него, где перечислены венецианские обязательства, — в объективной. Я предполагаю, что венецианская грамота, как и все прочие, рассматриваемые здесь посреднические грамоты, первоначально также была составлена от первого лица. Это подтверждается тем фактом, что включенная в тот же хрисовул клятва посредников дана от первого лица. Косвенным образом на то же указывают и два другие места инсерта, где имеет место несомненная непоследовательность в употреблении местоимений. На нее обращал внимание еще К.Нейманн (*Neumann K. Über die urkundlichen Quellen zur Geschichte der byzantinisch-venezianischen Beziehungen, vornehmlich im Zeitalter der Komnenen // BZ. 1892. Bd. 1. S. 368ff*). Правда, он пришел к несколько иным выводам.

⁴² JUS. 1. 419.15—30

2. Венеция 1198: "Nec autem omnia custodient Venetici bona fide, sine fraude et malo ingenio, quamdiu ab Imperio eorum et Imperatoribus, qui deinceps erunt, integre conservantur, que nobis promissa sunt a sanctissimo Imperatore... per crisobulum Imperii ejus"⁴³.

VII. *Обязательства партнера.* В генуэзской грамоте 1169 г. между запрещением нарушать договор и клятвой посредника перечисляются византийские обязательства. Эта вставка не предваряется ни единым словом и ничем не выделяется из предыдущего и последующего текста, меняется только редакция: весь документ составлен от лица его автора, посредника Амико де Мурта, а вставка безлична; о договаривающихся сторонах в ней говорится объективно, в третьем лице, а посредник не упоминается вовсе.

Еще один пример такой вставки с перечнем византийских обязательств — пизанская посредническая грамота от 1170 г. В ней приводятся сначала обязательства византийцев, затем — пизанцев. Однако здесь субъективная редакция текста (от первого лица) выдержана везде; кроме того, обязательства греков указываются вместе с обязательствами пизанцев, а не особо⁴⁴.

VIII. *Формула подтверждения корроборации.* В конце диспозиции в генуэзской посреднической грамоте 1192 г. есть такое добавление: καὶ ἐπὶ πᾶσι τοῦτοις ἀρεσκόμενοι τὸ παρὸν ἐκτιθέμεθα ἐγγράφον καὶ ὄρκῳ μέλλοντες τοῦτο βεβαιῶσαι καὶ ταῖς οἰκειοχείροις ὑπογραφαῖς καὶ ταῖς συνήθεσι βούλλαις ἡμῶν ὡς κατὰ ἐντολὴν τοῦ ἔξουσιαστοῦ τῆς Γενούας ... συμφωνοῦντες καὶ πράττοντες⁴⁵.

IX. *Формула ратификации и клятвы.* Поскольку посредническая грамота есть в собственном смысле лишь свидетельство о завершении переговоров, в ней нет формул, обеспечивающих юридическую обязательность достигнутых договоренностей, но есть формула, гарантирующая будущую ратификацию. Только после нее посредническая грамота получит правовую силу.

Ратификация гарантировалась личными клятвенными заявлениями посредников о том, что договор будет ратифицирован дома теми, кто отправил их на переговоры. Эти последние уполномочивали своих посредников принести клятву, которая должна была "гарантировать" материальное содержание грамоты и обязать представляемое посредником лицо признать достигнутые посредником результаты переговоров в неизменной форме (см. выше).

Клятву посредники произносили в одном из константинопольских храмов, как явствует из пизанской грамоты от 1192 г., и при этом, по-видимому, касались священных предметов, Евангелия или Креста. В некоторых случаях; однако, посредник клялся душою пославшего его государя, как показывают приводимые ниже примеры. Эту клятву посредники упоминают, а иногда и полностью записывают в своих посреднических или клятвенных грамотах. Произносимая же дома ратификационная клятва государя сопровождалась

⁴³ Ibid. 474.13—17

⁴⁴ Таким образом, возникает вопрос, в каких именно случаях изначально субъективная редакция документа изменялась на объективную. Это, несомненно, всегда делалось при включении документа в текст другого (инсерт). Возможно, решающую роль играл характер включения: при включении посреднической грамоты целиком ее оставляли без изменений; если же включались выдержки из нее (как правило, достаточно пространные — все условия договора), их меняли стилистически, переводя первое лицо в третье, чтобы уже по своей редакции обязательства партнера отличались от собственных.

⁴⁵ ММ. 3. 30.20—25

также известной формальной процедурой, произносилась она публично, торжественно и тоже непременно в храме.

Теперь после предварительных разъяснений понятно значение соответствующих выражений клятвенной формулы:

1. Генуя 1170: "ταῦτα πάντα, ἃ περιέχει ἡ παρούσα γραφή, ἵνα ὁμόσωσιν οἱ κόνσουλοι πάντες τῆς Γενούας διατηρῆσαι... καὶ ὡς ὁμνύω ταῦτα χωρὶς δόλου καὶ περινοίας, οὕτως ἵνα μοὶ βοηθῆ ὁ θεός"⁴⁶, т.е. ратификационное обещание здесь передано в словах: "всё, что содержит настоящая грамота, пусть поклянутся соблюдать все консулы Генуи", а далее следует клятва, в которую посредник облекает обещание: "и как я клянусь в этом без хитрости и заднего умысла, так да поможет мне Бог".

2. Пиза 1170: "τὸν δὲ παρόντα ὄρκον ὀφείλουσι ποιῆσθαι καὶ ἀνακαινίσει καὶ οἱ κόνσουλοι καὶ οἱ λοιποὶ ἔποικοι τῆς Πίσσης κατὰ τὴν συνήθειαν, καὶ ὡς ὁμνύω ταῦτα χωρὶς δόλου καὶ περινοίας, οὕτως ἵνα μοὶ βοηθῆ ὁ θεός, τὰ ἅγια ταῦτα τοῦ θεοῦ εὐαγγέλια καὶ ὁ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρός"⁴⁷.

3. Пиза 1192: "αὐθις ὁμνύομεν ἐπάνω τῆς ψυχῆς τοῦ ῥηθέντος ἐξουσιαστοῦ, ὡς ἵνα καὶ αὐτὸς τὴν δηλωθεῖσαν συμφωνίαν πληρώσῃ καὶ φυλάξῃ καὶ αὐτὸ τὸ κοινὸν τοῦ κάστρου... καὶ ὡς ταῦτα ὁμνύομεν μετὰ ἀγαθῆς πίστεως"⁴⁸.

4. Генуя 1192: "αὐθις ὁμνύομεν ἐπάνω τῆς ψυχῆς τοῦ ῥηθέντος ἐξουσιαστοῦ ὡς ἵνα τὴν δηλωθεῖσαν συμφωνίαν καὶ ὁ ἐξουσιαστής καὶ οἱ κόνσουλοι... ὁμόσωσι, πληρώσωσι καὶ φυλάξωσι... εἰς τοὺς αἰῶνας"⁴⁹.

5. Генуя 1169: "Ista omnia in presenti carta significata conventio ego prenominate nunciatus civitatis Janue Amicus de Murta et juro sine fraude et malo ingenio, ex precepto et voluntate archiepiscopi, consulum et tocius communis civitatis Janue confirmari et observari ab eis et jurari et firma et stabilia custodire in sempiternum et semper"⁵⁰.

Клятвой посредника⁵¹ завершался второй правовой акт сложного договорного процесса, но не само заключение договора. Юридическую силу для обеих сторон договор приобретал, как упоминалось, лишь после третьего акта — после ратификации посреднической грамоты государем. Для этого он должен был иметь точное представление о его условиях; поэтому документ, письменно фиксирующий результаты договоренностей, имел большое значение. Вероятно, поэтому, помимо клятвы, грамота заверялась также подписью и печатью посредника. А сама клятва, по крайней мере в трех посреднических грамотах конца XII в., отделена от посреднической грамоты (Пиза 1192, Генуя 1192, Венеция 1198): клятвенная формула вместе с ратификационным обещанием становится предметом самостоятельной, субъективно (т.е. от первого лица) формулируемой грамоты. Она, кажется, не имела специального названия, обозначалась как "ὄρκος ἡμῶν, ὃ ἐπομόσασθαι μέλλομεν"⁵².

Посреднические грамоты обычно не датируются. Только отдельная клятвенная грамота венецианцев от 1198 г. указывает месяц, индикт и год по византийскому летосчислению⁵³: "Nos legati nobilissimi Ducis Venetie et Imperialis

⁴⁶ Ibid: 34.32—35

⁴⁷ Ibid: 14.34—15.3

⁴⁸ Ibid: 8.34—9.4

⁴⁹ Ibid: 31.13—19

⁵⁰ JUS: 1: 470.29—34

⁵¹ О клятвенных формулах см. Seidl E. Der Eid. Bd. II. S. 47ff., 128ff.

⁵² Genua 1192 (MM. 3. 30.25); Pisa 1192 (MM. 3. 8.11); Venedig 1198 (JUS. 1. 470.27: juraverunt et etiam sacramentum).

⁵³ JUS. 1. 470.29, lat. Authenticum, s; Dölger F. Regesten. N 1647.

protosevasti Henrici Dandoli, Petrus Michael et Octavianus Quirinus, juramus hac hodierna die, que est vigesima septima presentis mensis Septembris presentis secunde indictionis, sex millesimi septingentesimi septimi anni."

Помимо шести упомянутых посреднических грамот, можно привести еще одну. Она составлена вне Константинополя. Речь идет о посреднической грамоте посланника Мануила I Комнина Димитрия Макремволита, отправленного в Геную в 1155 г. для заключения договора. Его посредническая грамота сохранилась как самостоятельный документ (а не в качестве инсерта в тексте хрисовула) и только на латинском языке⁵⁴.

Начинается она с инвокации: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь". Далее следует имя посредника и данные, удостоверяющие, что он является полномочным послом Мануила I Комнина. От имени императора он обещает (promitto) генуэзцам привилегии, которые перечисляются здесь же, в диспозиции: ego demetrius metropolitae⁵⁵ nuncius sanctissimi constantinopolitani imperatoris domini mei emanuelis porfiro genito commino, promitto uobis consulibus ianue, willelmo porco, oberto cancellario, iohanni malocello, guilliemo lusio atque populo ianuensi ex parte ipsius domini mei pacem et bonam uoluntatem. Далее идут пункты договора, а вслед за ними — заверение посредника о том, что император подтвердит все свои обязательства документом, который будет иметь силу также и для его преемников: de his omnibus faciet ipse uobis dominus meus sanctissimus et excellentissimus imperator cyrographum suo sigillo impressum, quod ipse et heredes eius qui post eum imperatores erunt in perpetuum sic obseruent⁵⁶. Под документом (cyrographum suo sigillo impressum) подразумевается хрисовул, выдав который, император ратифицирует договор. Указаны место и дата составления посреднической грамоты. Назван год от Рождества Христова, день месяца по Болонскому календарю и индикт: in ciuitate ianue in ecclesia beati laurentii, anno domini millesimo centesimo quinquagesimo quinto duodecimo die intrantis octobris indictione tercia⁵⁷. Составлена посредническая грамота от первого лица, к генуэзской стороне Макремволит обращается во втором лице множественного числа, о византийском императоре говорит dominus meus. Документ озаглавлен как promissio punciū imperatoris, но в самом тексте грамота не обозначена каким-либо специальным названием.

Отличие этой грамоты от других, здесь рассмотренных, состоит прежде всего в наличии датировки (влияние генуэзской канцелярии) и в отсутствии формулы клятвы. Впрочем, не исключено, что она была записана на отдельной грамоте (как в случаях с византийскими договорами с Пизой и Генуей от 1192 г. и с Венецией от 1198 г.). Тот факт, что посредническая грамота составлялась в церкви, позволяет предположить, что составление документа сопровождалось клятвой посредника. Однако в конечном счете этот договор между Византией и Генуей так и не был ратифицирован императором и в окончательной форме не существовал.

⁵⁴ Цит. по: Liber iurium republicae Genuensis. (Далее: LIRG). Т. 1 (= Historiae Patriae Monumenta 7). Aug. Taurinorum, 1854, S. 184—185. См.: Dölger F. Regesten. N 1402; Dölger F., Karayannopoulos J. Urkundenlehre... S. 98, Anm. 1; Heinemeyer W. Verträge... S. 125; Lilie R.J. Handel... S. 84ff.

⁵⁵ LIRG. 1. 184.49 — recte: "Makrembolites".

⁵⁶ Ibid. 185.29—33.

⁵⁷ Ibid. 185.34—36.

Заключительные грамоты городов-республик Пизы и Венеции

К сожалению, заключительных грамот сохранилось еще меньше, чем посреднических, и это обстоятельство чрезвычайно затрудняет исследование их формул и структуры. Сохранились в качестве инсертов в императорских хрисовулах лишь две заключительные грамоты итальянских городов:

1. Грамота пизанцев от 1111 г. О том, как заключался этот договор, сообщает императорский хрисовул, в который включена заключительная грамота: послы обеих сторон много раз ездили из Пизы в Константинополь и обратно с письмами и устными поручениями, прежде чем было, наконец, достигнуто соглашение и пизанцы изготовили свою заключительную грамоту. Они подтвердили ее клятвой в присутствии византийского посла и отправили с собственными послами императору. В Константинополе послам в присутствии императора пришлось повторить обещание, что пизанцы будут соблюдать все свои обязательства, изложенные в заключительной грамоте. После этого пизанским послам был вручен императорский хрисовул⁵⁸.

2. Грамота венецианцев от 1187 г. Из нее сохранились лишь выдержки (часть диспозиции), также в виде инсерта, в латинском переводе. Процедура, предшествовавшая ее составлению, была, вероятно, такая же, как у пизанцев; в отрывке из заключительной грамоты и в императорском хрисовуле упомянуто, что венецианский дож уже подтвердил грамоту клятвой⁵⁹.

Внутренние признаки заключительных грамот

I. *Инвокация.* В венецианской грамоте она не сохранилась; в пизанской, в отличие от большинства других, призыв обращен не к Святой Троице, а к Христу: ἐν ὀνόματι τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀμήν⁶⁰.

II. *Интитуляция.* Пизанская грамота составлена от лица жителей города и страны Пизы, которые, как явствует из пизанской редакции грамоты, вправе заключать международные договоры: ἡμεῖς πάντες οἱ ἐποικοὶ τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Πίσσης⁶¹.

III. *Диспозиция.* Интитуляция непосредственно переходит в диспозицию уже со следующим словом ὑπισχνούμεθα ("мы обещаем" — явно перевод с латинского promittimus). Далее называются те, перед кем пизанцы принимают на себя обязательства: ὑπισχνούμεθα σοὶ τῷ ἀγιωτάτῳ βασιλεῖ κυρῷ Ἀλεξίῳ καὶ τῷ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ ἡγαπημένῳ σοῦ υἱῷ καὶ βασιλεῖ τῷ πορφυρογεννήτῳ, ὡς ἡμεῖς ὁ ἅπας Πισσαϊκὸς λαός...⁶². Далее следуют договорные обязательства, в виде компактного текста, без деления на пункты (в пизанской грамоте) или отдельными статьями, каждая из которых начинается с item (в венецианской грамоте). Указание на срок действия договора приводится вначале, в первой статье.

IV. *Запрет нарушения.* Составители грамоты обещают не нарушать данный договор в следующей формуле, которую можно назвать также обещанием соблюдения:

⁵⁸ Заключительная грамота см.: ММ. 3. 9.27—10.29; Свидетельство хрисовула: Ibid. 98ff.

⁵⁹ JUS. 1. 448.17—452.6. Dölger F. Regesten. N 1578; Lilie R.J. Handel... S. 24ff.

⁶⁰ ММ. 3. 9.27.

⁶¹ Ibid. 9.28; Intitulatio венецианской грамоты не сохранилась.

⁶² Ibid. 9.29—31; эта часть венецианской грамоты не сохранилась.

1. Пиза 1111: "ταῦτα πάντα τὰ ἀνωτέρω γεγραμμένα φυλάξομεν ἡμεῖς ὁ ἅπας Πισσαϊκὸς λαὸς τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Πίσσης σοί τε τῷ ἀγιωτάτῳ βασιλεῖ κυρῷ Ἀλεξίῳ καὶ τῷ περιποθῆτῳ σου υἱῷ καὶ βασιλεῖ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ πορφυρογεννήτῳ, καθὼς ἀνωτέρω γεγραπταί, ἀπαράθραυστα καὶ μετὰ ἀληθινῆς πίστεως ἄνευ δόλου καὶ κακοῦ τρόπου"⁶³.

2. Венеция 1187: Hanc itaque conventionem et sacramentum firmum Venetici observabunt, et neque ob illatam eis iram semper memorandi Imperatoris porphyrogeniti domini Manuelis, neque ob aliquam aliam occasionem eis factam hujusmodi sacramentum infringent, neque ob preceptum vel timorem alicujus coronatorum vel non coronatorum, neque ob ecclesiasticam excommunicationem vel absolutionem alicujus pontificum, aut ipsius pape Romani⁶⁴. К этой формуле непосредственно примыкает указание на условие, при котором договор обретает силу. Пизанцы выражают надежду на то, что император подтвердит своим хрисовулом выраженное им в письме одобрение договора. Таким образом, условие вступления договора в силу — выдача императорского хрисовула. Со своей стороны, венецианцы указывают, что будут соблюдать свои обязательства до тех пор, пока другая сторона будет соблюдать свои: 1. (Пиза 1111) ὑμῶν διὰ χρισσοβούλλων βεβαιωσάντων τὰ ἐν τῷ ὑμετέρῳ γράμματι περιεχόμενα, ἵνα φυλάξητε ταῦτα ἡμῖν⁶⁵. 2. (Венеция 1187) Igitur hec omnia Venetici observabunt bona fide et sine fraude, quousque et ab Imperio ejus et futuris Imperatoribus integre conserventur ea, que promittuntur nobis a domino Imperatore Romanorum et semper augusto domino Ysaakyo Angelo per chryso-bulum Imperii ejus⁶⁶.

V. *Датировка*. Пизанская заключительная грамота датирована: указаны год от Рождества Христова, месяц и год по Римскому календарю и индикт: τοῦτο γέγονεν ἐν ἔτει τῆς ἐνσαρκώσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, *αρια*, τεσσαρεσκαίδεκάτῃ καλανῶν μαΐου, ἰνδικτιῶνος ιγ⁶⁷.

VI. *Свидетели*. В пизанской грамоте в качестве свидетелей выступают архиепископ Амальфийский, судья Мосх из Амальфи и консулы Пизы (ἐνώπιον τοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀμάλφης καὶ Μόσχου τοῦ Ἀμάλφης, ἐνώπιον τῶν ὑπάτων τῆς Πίσσης)⁶⁸. Грамота составлена от первого лица множественного числа и обращается к греческому партнеру во втором лице. Напротив, венецианская составлена в объективной редакции: и император, и венецианцы называются в третьем лице. Впрочем, здесь имеются и некоторые отступления: венецианцы вдруг начинают выступать и от первого лица. Подобный случай представлен посреднической грамотой Венеции от 1198 г., так что можно предположить, что и грамота 1187 г. первоначально была составлена от первого лица и "переставлена" в третье при включении в качестве инсера в хрисовул. Можно предположить также, что стилистическая погрешность и путаница с лицами была допущена в императорской канцелярии при изготовлении хрисовула.

⁶³ Ibid. 10.19—23

⁶⁴ JUS. 1. 451.38—452.2

⁶⁵ MM. 3. 10.24

⁶⁶ JUS. 1. 452.2—6. По всей видимости, переводя текст из субъективной в объективную редакцию, составители забыли изменить соответствующим образом слова nobis и ejus. Аналогичные стилистические ошибки мы уже встречали в венецианской посреднической грамоте от 1198 года. См. примеч. 41.

⁶⁷ MM. 3. 10.25.

⁶⁸ Ibid. 10.27.

Русско-византийский договор 944 года

Обратимся теперь к русским договорам. Из трех русско-византийских договорных грамот X в. договор между русским князем Игорем и византийским императором Романом I Лакапином от 944 г. представляет собой *посредническую грамоту*. Напротив, оба другие договора: князя Олега со Львом VI от 911 г. и договор от 971 г. между Святославом и Иоанном I Цимисхием — это *заключительные грамоты*.

Договор 944 г. был заключен после похода Игоря на Византию в 941 г., закончившегося сокрушительным разгромом русского флота с помощью греческого огня. По сообщению Несторовой летописи, византийский император Роман I Лакапин отправил тогда послов к Игорю, чтобы выяснить возможности заключения мирного соглашения⁶⁹. Затем и Игорь, в свою очередь, отправил своих людей в Константинополь. В результате в 944 г. был заключен договор о мире и дружбе, многие пункты которого повторяли старый русско-византийский договор 911 г. (см. ниже), хотя в целом договор 944 г. был для русских менее выгоден, чем соглашение 911 г.

Текст, дошедший до нас только в Несторовой летописи в старославянском переводе⁷⁰, содержит все характерные признаки посреднической грамоты: он сформулирован не от лица самого государя, а от лица его послов, которые упоминают о данных им поручениях и обещают, что их государь ратифицирует договор. Таким образом, этот договор был заключен в результате сложного договорного процесса.

Грамота не содержит инвокации. Она начинается с личного местоимения "мы" и интитуляции. Составителями грамоты выступают не одно или два лица, а 51 человек; все они названы по имени, все одного происхождения: "от рода русскаго"⁷¹, ни один не носит какого-либо титула.

Данные о полномочиях. Из 51 посредника 25 обозначены как послы, а остальные 26 — как купцы. Каждый из послов отправлен определенным лицом, названным по имени, а некоторые — по степени своего родства с князем Игорем. Титулы носят только сам Игорь и его жена. Указано, что все 51 человек "посланы от Игоря, от всей княжеской семьи и от всех людей земли русской". Наделение послов полномочиями обозначено словом "заповѣдано". Этот славянский глагол семантически соответствует греческому ἐντέλλεσθαι, к которому относятся существительные ἐντολή, ἐντολὰ — "приказ", "повеление"⁷². В греческом оригинале здесь должно было стоять τὸ ἐντεταλμένον ἡμῖν или ἐξ ἐντολῆς, ἐνδεδομένον ἔχειν, что соответствовало бы цитированным выше выражениям из итальянских посреднических грамот и императорских хрисовулов⁷³.

⁶⁹ Андрианова-Перец В.П. Повесть... Т. I. С. 34 (под 945 г.): "Роман и Константин и Стефан отправили послов к Игорю, чтобы восстановить прежний мир. А Игорь, переговорив с ними о мире, послал своих людей к Роману." Это известие вполне вероятно византийские императоры нередко посылали сообщить своим будущим партнерам, что готовы заключить с ними договор. См.: Dölger F. Diplomatie... S. 237, Anm. 95. Здесь мы не будем касаться часто обсуждаемого вопроса о том, ходил ли Игорь в 944 г. еще одним походом на Византию.

⁷⁰ Андрианова-Перец В.П. Повесть... Т. I. С. 34—39.

⁷¹ О старославянском слове "род" при переводе греческого γένος см.: Besëvliev V. Die protobulgarischen Inschriften, B., 1963. S. 287.

⁷² SIS. I. 652ff.

⁷³ Эти выражения, по-видимому, давно и прочно входили в состав византийской юридической терминологии; мы постоянно встречаем их в подобных грамотах, а кроме того, например,

Задачи русских послов и предмет договора обозначены словами: "обновити ветхий мир и утвердити любовь межю Греки и Русью". Для понимания этого предложения решающим является выражение "утвердити любовь", которое до сих пор толковалось по-разному⁷⁴. Слово "любовь" передает здесь греческое ἀγάπη — очень часто встречающийся в византийских договорах технический термин, означающий "дружбу" или "договор о дружбе". Вот несколько примеров: τρακταῖσαι περὶ ἀγάπης⁷⁵; ἀγάπην ἐπὶ τοῖς κεφαλαίοις τοῖς κατωτέρω ῥηθησομένοις⁷⁶; χρυσόβουλλον λόγον τῆς βασιλείας μου κομίσασθαι ὡς ἐκ τῆς χειρὸς βασιλείας μου... καὶ οὕτως αἰώνιαν... ἀγάπην περιποιήσασθαι⁷⁷. Глаголом "утвердити" переведен здесь греческий глагол στέργειν или его синоним βεβαίωυν. Эти глаголы также технические термины византийской дипломатики, чему есть множество примеров "траκταῖσαι, ποιῆσαι καὶ στερῶσαι τρέβαν⁷⁸; ὅσα ἐν τῷ παρόντι ὄρκωμοτικῶ διαλαμβάνονται, στέργει καὶ φυλάξει ἡ βασιλεία μου⁷⁹; τὰ συμφωνηθέντα καὶ ...σωματικῶ... ὄρκω βεβαίωθέντα⁸⁰; τὴν... συμφωνίαν... ἀνακαινίσαι καὶ δι' ὄρκου βεβαίωσαι⁸¹".

Таким образом, задача послов однозначна: "возобновить заключенный ранее мир и подтвердить мирный договор между Греками и Русью". Это значит, что посредникам было поручено заключить договор в той же форме, в какой он был заключен ранее; кроме того, они были уполномочены скрепить грамоту клятвой. Из трех поручений, о которых мы знаем из итальянских посреднических грамот (проведение переговоров, заключение договора, подтверждение его клятвой), здесь не хватает одного — поручения вести переговоры.

Означает ли это, что послы должны были только возобновить старый договор в его прежней форме? Действительно, договор 944 г. во многих пунктах совпадает с предыдущим договором 911 г., иногда даже дословно. Однако в целом греки предоставляют русским по договору 944 г. менее широкие привилегии, чем в 911 г. Причина, по общему мнению исследователей, в том, что заключению этих договоров предшествовали военные акции русских, имевшие различный исход: договор 911 г. был заключен после успешного похода русских, а договор 944 г. — после их поражения. Это заставляет предположить, что из новой редакции договора 944 г. Константинополь смог вычеркнуть целый ряд уступок, которые был вынужден сделать русским в 911 г. Однако для этого необходимо было получить согласие русских, следовательно, на этот счет должны были вестись переговоры. В таком случае, придется допустить, что русские посредники были все-таки уполномочены вести переговоры, несмотря на отсутствие указания на такие

в письмах императора Исаака I Ангела ἡ βασιλεία μου ἐνδεδομένον ἔχειν αὐτοὺς ἐξ ὑμῶν τὸ τρακταῖσαι μετὰ τῆς αὐτῆς τῆς βασιλείας μου (MM. 3. 24.15) ; ὅτι δὲ μὴ τοῦτο ἐνδεδομένον ἔχειν αὐτὸν ἀπὸ τῆς πρὸς τὴν βασιλείαν μου ὑμετέρας γραφῆς κατενοεῖτο (Ibid. 35).

⁷⁴ Предположение, что слово "любовь" употреблено здесь не как термин, а ради образности, на мой взгляд, не выдерживает критики. См. *Hellmann M. Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Göttingen, 1987. Bd. IV: Der Handel der Karolinge- und Wikingerzeit. S.657.14.*

⁷⁵ MM. 3. 76.29

⁷⁶ Ibid. 77.6

⁷⁷ Ibid. 25.1,11; 68.11; 72.12; 82.28,33; 154.26; 216.26.

⁷⁸ Ibid. 85.16.

⁷⁹ Ibid. 104.6; 104.14; 105.23,32 etc.

⁸⁰ Ibid. 5.6.

⁸¹ Ibid. 6.12; 9.25; 26.15 etc.

полномочия в тексте. Но есть и другая возможность, объясняющая отсутствие такого указания: императорские послы, отправленные к Игорю после его поражения выяснить, нельзя ли заключить мирный договор (о чем сообщает летопись, см. примеч. 69), могли обсудить с ним объем прежних уступок, отмененных в новом договоре. В этом случае 51 человек были бы отправлены в Константинополь действительно только для составления грамоты и скрепления договора клятвой.

Чтобы иметь возможность сравнить формулу о передаче полномочий посредникам по русскому договору с рассмотренными выше итальянскими посредническими грамотами, нужно перевести ее обратно, на среднегреческий: "Мы от рода русаго съли и гостье, Иворь, соль Игоревь, великаго князя русаго, и обьчии сли: Вуефасть Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини... послании от Игоря, великаго князя русаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людий Руския земля. И от тѣхъ заповѣдано обновити ветъхий мирь,... и утвердити любовь межю Греки и Русью". (Ἡμεῖς ἀπὸ τὸ γένος τῶν Ῥῶς ἀποκρισιάριοι καὶ πραγματοεῦται, Ἡβωρ, ἀποκρισιάριος Ἰγκωρος, τοῦ περιφανοῦς ἀρχοντος τῶν Ῥῶς [προσέτι δὲ] καὶ συνήθεις ἀποκρισιάριοι Βουεφάστος Σφενδοσθλάβου, τοῦ υἱοῦ τοῦ Ἰγκωρος, Ἰσκούσεβις [ἀποκρισιάριος] Ὀλγας ἀρχοντίσης.... ἀποσταλέντες παρὰ τοῦ Ἰγκωρος, περιφανοῦς ἀρχοντος τῶν Ῥῶς, καὶ παρὰ τῶν ἀρχόντων πάντων καὶ παρὰ ἅπαντος τοῦ λαοῦ τῆν τῶν Ῥῶς χώρας. Καὶ ἐνδεδομένον ἔχοντες ἐξ αὐτῶν τὴν παλαιὰν εἰρήνην ἀνακαινίσασι... καὶ τὴν ἀγάπην ἀναμεταξὺ τῶν Ῥωμαίων καὶ τῶν Ῥῶς βεβαιώσασι). В формулу о передаче полномочий включено в качестве придаточного предложения общее обобщение заключения договора: "[миръ], ненавидящаго добра и враждолюбьца диавола разоренный от много лѣтъ". Эта формулировка почти идентична той, которая описывает нарушения мира в императорском хрисовуле генуэзцам от 1193 г.: "ὁ τοῖς ἀγαθοῖς ἀντικείμενος σατὰν καὶ τῆς εἰρήνης πολέμιος"⁸².

Диспозиция русской посреднической грамоты 944 г. содержит следующие данные (все в одном предложении): а) повторное упоминание тех, от чьего лица выступают посредники; б) данные об адресатах, т.е. тех, перед кем принимаются обязательства: называются византийский император Роман I Лакапин (11/12 декабря 919 — 16 декабря 944) и два его соправителя, Стефан (25 декабря 924 — 27 января 945) и Константин VII (11/12 декабря 919 — 16 декабря 944); в) диспозитивная клаузула о составлении грамоты, в которой обозначается характер договора: "сътворити любовь" — ἀγάπην ποιεῖν, т.е. заключить договор о дружбе; г) эта же клаузула играет роль (единственного) пункта договора с русской стороны, и тут же объявляется срок его действия: "на все времена, доколе светит солнце и стоит мир"⁸³.

Вот оригинальный текст диспозиции: "И великий князь нашъ Игорь, и князи и боляри его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и к Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же съеть солнце и весь миръ стоить". А вот вероятная реконструкция греческого оригинала: Καὶ ὁ περιφανῆς ἀρχων ἡμῶν Ἰγκωρ καὶ οἱ ἄλλοι ὁ λαὸς τῶν Ῥῶς ἀπέστειλαν ἡμᾶς πρὸς Ῥωμανὸν καὶ Κωνσταντῖνον καὶ Στέφανον, τοὺς

⁸² Ibid. 40.27.

⁸³ Аналогичные выражения относительно срока действия договора очень часто встречаются в византийско-итальянских грамотах; например: ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ τῷ μέλλοντι (MM. 3. 9.6); εἰς τοὺς αἰῶνας (Ibid. 31.19); εἰς τὸν αἰῶνα τὸν ἀπαντα (Ibid. 36.20).

μεγάλους βασιλεῖς Ῥωμαίων, εἰς τὸ ποιῆσαι ἀγάπην πρὸς τοὺς αὐτοὺς βασιλεῖς, [προσέτι δὲ] πρὸς ἅπασαν τὴν σύγκλητον καὶ πάντα τὸν λαὸν τῶν Ῥωμαίων εἰς τὸν χρόνον τὸν ἅπαντα, ὅσον ἂν λάμπη ὁ ἥλιος ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ διηνεκές⁸⁴.

Санкция. Санкция следует за диспозицией, которую она должна гарантировать, угрожая наказаниями за неисполнение или нарушение обещанного. Она начинается словами: "И иже помыслить от страны руския разрушити такую любовь" и кончается: "и да будут раби въ весь вѣк в будущий", заменяя собой простую формулу запрета нарушать договор, какую мы встречали в итальянских посреднических грамотах⁸⁵. Наказание, угрожающее нарушителям мирного договора с русской стороны, неодинаково для всех посредников: христианам грозит возмездие от Всемогущего Господа и вечное проклятие (это *sanctio spiritualis*), а русских-язычников ожидает телесное наказание или смерть (*sanctio saecularis*); они лишатся помощи своего бога Перуна, будут побиты своим же собственным оружием и навеки станут рабами.

Далее в тексте, после санкции и вплоть до клятвы русских, идет включение (инсерт) — грамота партнера, т.е. византийского императора. В русскую грамоту из византийской включена диспозиция, т.е. договорные обязательства, а также общие условия, касающиеся составления грамоты и юридической силы договора. Это включение не предваряется ни словом, ни указанием, и по своей редакции не отличается от соседствующего с ним текста русской посреднической грамоты. Большая часть его статей

⁸⁴ Славянское "князь" мы решили передать греческим ἄρχων. Упоминание княжеского титула с определением "великий" во всех трех русско-византийских договорах играло колоссальную роль в советской историографии последних сорока лет, преимущественно в тех исторических работах, которые были посвящены становлению и развитию государственности Киевской Руси. Общепринятое (на мой взгляд, ложное) предположение, что договоры были переведены на славянский сразу же по их заключении, вело к выводу, что титул "великий князь" должен был употребляться на Руси самое позднее с начала X в., до его первого упоминания в договоре. Согласно этой гипотезе, существованию такого титула должно было отвечать и достаточно высокое развитие государства и общества. См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 328—329. Однако никакие другие источники не подтверждают версии о столь раннем утверждении титула "великого князя" на Руси. Напротив, сегодня может считаться доказанным, что этот титул не употреблялся во второй половине XII в. (Poppe A. O tytule wielkoksiążęcym na Rusi // Przegląd historyczny. 1984/3. 75. S. 423—439. Vodoff W. La titulature des princes russes du X^e au début du XII^e s. et les relations extérieures de la Russie kievienne // RES. 1983. T. 55. 139—150). Столь раннее упоминание этого титула и только в этих договорах наводит на мысль, что он служит переводом какого-то выражения из греческого текста договоров. Ценная информация о титулатуре киевских государей содержится в двух сочинениях X в.: "Об управлении империей", гл. 9 и "О церемониях", гл. 15 и 46 Константина Багрянородного. Там киевские государи всегда называются ἄρχοντες Ῥωμίας или ἄρχοντες τῶν Ῥώσ. Но определение "великий" там не встречается ни разу, даже применительно к княгине Ольге, посетившей Константинополь два года спустя после смерти своего супруга, "великого" князя Игоря, договор которого мы анализируем. Я полагаю, что словом "великий" был переведен какой-либо греческий почетный эпитет, например, περιφανής, περιφανέστατος, λαμπρός, λαμπρότατος (*illustris, illustrissimus, clarus, clarissimus*). В договоре от 911 г. "великий князь" чередуется с синонимами "князь светлый" и "наша светлость". Это предположение подтверждается другими примерами из старославянской переводной литературы; так, греческое περιφανής переводилось то как "великий", то как "светлый"; точно так же переводилось и слово λαμπρός, например ὡς περιφανής καὶ πλούσια — "велика бе роду и богата", ἐκκλησίαι περιφανείς — "цркви свѣтлы" и т.п. Примеры взяты из хроники Георгия Монаха (греч. текст ed. C. de Boor. Vol. I. S. 698.17, cf. 9.23; слав. текст: ed. F. Scholz. T. I. S. 449.27, 80.20).

⁸⁵ О формуле санкции византийских императорских грамот см.: Dölger F. Diplomantik... S. 157.18. Новелла Льва VI предписывала включение санкции в частные грамоты (Медведев И П Очерки... С. 96). О возникновении и развитии этой формулы см.: Studtmann J. Die Pönformel der mittelalterlichen Urkunden // Archiv für Urkundenforschung. 1932. Bd. 12. S. 251—373.

сформулирована во втором лице множественного числа. Самообозначение императора по-гречески должно быть ἡ βασιλεία ἡμῶν или ἡ βασιλεία μου, поскольку по-славянски стоит "царство наше". К русскому князю император обращался, по всей видимости, ὁ ὑμετέρος ἄρχων, ὁ ἄρχων ὑμῶν или ὁ ἄρχων τῶν Ῥώσ. Во всех рукописях, правда, заметна некоторая непоследовательность в употреблении местоимений, например, об императоре говорится "царство ваше", об Игоре "князь наш" и т.п. Объяснить это можно, по-моему, следующим: а) при составлении русской посреднической грамоты инсерт (включение) переводился в объективную форму недостаточно последовательно; б) после перевода на славянский смысл выражения "царство наше" был не совсем понятен; в) позднейшие переписчики летописи поменяли местоимения, не опознав включенный текст византийской грамоты.

Эта стилистическая, а тем самым и содержательная неясность (непонятно, когда кто к кому обращается) и стала, видимо, решающей причиной того, что вставку не признали таковой. Этим и объясняются различия в мнениях относительно того, отражает ли эта часть грамоты (содержащая главным образом юридические определения) византийские или русские правовые нормы X в. Между тем этот вопрос особенно важен для истории русского права, поскольку договоры представляют собой самые древние из сохранившихся русских правовых текстов⁸⁶.

Материальная часть вставки начинается словами: "А великий князь русский и боляр его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречскимъ корабли, елико хотять" и кончается: "и отголе увѣдять ины страны, каку любовь имѣють гръци съ русью." Вслед за материальной частью продолжается вставка со всеми условиями документирования договора и условиями вступления его в силу. Эти данные помещены в конце текста, в заключительной части диспозиции. Условия документирования оговариваются почти в каждой византийской договорной грамоте, составленной в форме хривоосула (что ясно видно из анализа схемы византийских договорных грамот, составлявшихся в Константинополе)⁸⁷.

Рассмотрим соответствующий пассаж в договоре 944 г. Вот что в нем сказано о документировании договора: "Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша". Местоимением "мы" обозначены здесь обе договаривающиеся стороны. Одна "харатья" — это императорская грамота, в начале которой стоит знак креста, символическая

⁸⁶ Относительно правовой системы, отраженной в этих договорах, высказывались различные мнения, которые можно разделить на три главные группы: а) договоры рассматривались как источники для изучения древнейшего русского обычного права; б) поскольку в сфере влияния Византии нельзя ожидать применения какой-либо иной правовой системы, договоры полностью отражают византийское право; в) их нельзя рассматривать как однозначный памятник русского или византийского права в чистом виде; во многих статьях проявляется решающее влияние русского обычного права. Последняя точка зрения представляется наиболее правдоподобной. Там, где различия между русскими правовыми понятиями и более развитой правовой системой византийцев казались непреодолимыми, составители договоров явно стремились к компромиссу, что заметно по некоторым статьям грамот 911 и 944 гг. О правовой системе этих договоров см.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Мейчик Д.М. Русско-византийские договоры // ЖМНП. 1915. № 57, 59, 60; 1916. № 62, 66; 1917. № 69; Goetz L.R. Das russische Recht. Stuttgart 1911. Bd. II; Geiman W.G. Recht und Gericht. // Geschichte der Kultur der alten Rus'. В. 1962. Bd. 2. S. 27—55; Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910 (переизд. The Hague, 1967).

⁸⁷ Dölger F., Karayannopoulos J. Urkundenlehre... S. 99. См. также: Bittner L. Die Lehre 212ff.

инвокация, предпосылка правовой значимости грамоты согласно 72 новелле императора Льва VI. "Имена наша" — это имена византийского императора и его соправителей, от лица которых составлена грамота. Эта императорская "харатья" содержала обязательства византийской стороны, а в виде инсера в нее было включено обязательство русских хранить мир.

Вторая "харатья" — грамота русской стороны. Она составлена от лица 51 посла и "гостя", т.е. купца. Она содержит обязательство русских соблюдать мир, а в качестве инсера — договорные обязательства византийцев. Именно она дошла до нас на старославянском языке — это тот самый текст, который мы здесь исследуем. Термин "харатья" означает "грамота", "документ", "подлинная запись", "договорная грамота" и соответствовал бы по своему семантическому содержанию греческим "хрисовуллос логос" или "хрисовуллон сигиллион", которые мы встречали в приведенных выше примерах как родовые обозначения для императорских договорных грамот. Однако форма хрисовула была выработана в основных чертах впервые при императоре Льве VI (886—912) как специальная форма для грамот, которыми даровались привилегии; впоследствии эта форма грамоты стала употребляться и при документировании межгосударственных договоров, впервые — при заключении договора с Венецией в 992 г.⁸⁸

Как выглядели договорные грамоты византийцев до конца X в., мы не знаем, поскольку (за исключением исследуемых нами русских договоров) ни одна из них не сохранилась. Только из нарративных источников нам известны некоторые названия; так например, договоры о мире называются ἔγγραφοῦ εἰρήνης μεθ' ὄρκου λόγος; ἔγγραφοῦ λόγος или ἔγγραφοῦ ἀσφάλεια μετὰ μαρτύρων⁸⁹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что исследуемый нами инсерт называет императорскую грамоту не "хрисовулом", а так же, как и русскую, "харатей".

Славянское слово "харатья" служит здесь переводом греческого χάρτης, χάρτος или χάρτιον⁹⁰ (термины не различаются по значению). Согласно Дж.Феррари⁹¹, все это — синонимы к таким словам как γράφή, ἔγγραφον, σύγγραμμα и ἀσφάλεια; все эти выражения можно объединить общим понятием "документ". Понятие "документ" совершенно точно передает смысл слова "харатья", как оно употреблено в договорах 944, а также 911 и 971 гг. Часто утверждают, что здесь оно означает "копия", но это неверно. "Харатей" — именно подлинный документ, о чем свидетельствует, между прочим, и такой пример: одна надпись из Болгарии передает в сокращении текст мирного договора, заключенного между византийцами и болгарами в 819/820 г. Сохранившаяся часть надписи гласит: ἐπε[ίσαντο ἔγγραφος τὴν ἰρίνιν κὲ] ὄμοσαν τὰ [...κεφάλαια τὰ ἀναγραφέντα] α ἐν τ(οῦς) χάρτα[ς τοὺς π]αραλί[λους] — "они письменно заключили мир и подтвердили клятвой записанные в параллельных грамотах — хартиях — пункты договора". Слово χάρτης стоит здесь в том же значении "документ" и "подлинная запись" и на том же месте, что и в тексте договора 944 г., а именно там, где речь идет об условиях документирования болгаро-византийского соглашения⁹².

⁸⁸ Dölger F. *Diplomatik...* S. 43. Anm. 186.

⁸⁹ Dölger F. *Regesten* N 239, 260, 257.

⁹⁰ О понятии "харатья" см.. Львов А С. Лексика "Повести временных лет". М , 1975 С. 327 и след

⁹¹ Ferrari G. I documenti greci medioevali di diritto privato dell'Italia meridionale e loro attinenze con quelli bizantini d' Oriente e coi papiri greco-egizii // *Byzantinisches Archiv*. [1910]. 4. S. 23.

⁹² Цит по Besëvliev V. *Die protobulgarischen Inschriften...* S. 209.

Инсерт императорской грамоты в русской посреднической грамоте продолжается указанием условий, при которых договор обретает силу. Выше мы видели, что в двух грамотах, генуэзской и пизанской, одним из таких условий было соблюдение достигнутых соглашений генуэзцами и пизанцами — только в этом случае император также будет соблюдать свои обязательства. В инсерт нашей грамоты условие, при котором договор вступает в силу, — ратификация договора князем Игорем. Здесь же описывается процедура этой ратификации: "А отходяче послом царства нашего да допроводять ю⁹³ къ великому князю и людемъ его; и ти принимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, написахомъ на харатью сию, на ней же суть имяна наша написана."

Таким образом, ратификация — и обретение договором правовой силы — осуществляется следующим образом: а) император отправляет свою "харатью" Игорю и его людям со своими императорскими послами; б) Игорь и его люди приносят ратификационную клятву в присутствии императорских послов; в) после этого послы вручают императорскую "харатью" Игорю (напомним: на ней записаны договорные обязательства греков, а в качестве инсорта — обязательство русских). Ратификация и вручение императорской грамоты обозначены причастием настоящего времени от глагола "принимати", т.е. изображаются как одновременное действие, что совершенно справедливо: с произнесением Игорем ратификационной клятвы и с вручением императорской грамоты заканчивается сложная процедура заключения договора и соглашения получающей правовую силу для обеих сторон⁹⁴.

На этом кончается инсерт — вставки из императорской "харатьи" в русскую посредническую грамоту. Далее следуют клятвенная и ратификационные формулы (от "Мы же елико нас хрестилися есмы..." до: "и весь мир стоить, в нынешния вѣки и в будущия"). Посредники клянутся по-разному: христиане приносят клятву в часовне Св.Илии⁹⁵; возлагая одну руку на крест, а другую на свою посредническую грамоту, они клянутся не преступать ни одно из

⁹³ Местоимение "ю" было неправомерно выпущено в издании А.В. Андриановой-Перец, хотя оно есть в большинстве рукописей.

⁹⁴ Эта процедура полностью отвечает дипломатическим обычаям Византийского государства. См.: *Dölger F. Diplomatie...* S. 241 ff; *Heinemeyer W. Verträge...* S. 150.

⁹⁵ Здесь необходимо особо подчеркнуть, что русские послы приносили свою клятву в Константинополе. Об этом свидетельствуют не только данные разбивавшихся нами посреднических грамот и указания в императорских хрисовулах, но и прошедшее время глагола "клясться" в клятвенной формуле русских посредников. Подчеркнуть это обстоятельство я считаю нужным потому, что часто высказывалось мнение, что здесь идет речь о клятве, принесенной в Киеве Игорем и его людьми. См., например: *Димитриу А. К вопросу о договорах русских с греками* // ВВ. 1895. Вып. 2. С. 548. Выше мы уже указывали, как легко спутать посредническую клятву с ратификационной, как это и случилось с Димитриу и другими. Однако здесь в самой клятвенной формуле называется церковь, где приносили клятву крещенные русские посредники в Константинополе: "Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ соборной церкви". В Константинополе действительно была церковь во имя Ильи-пророка. Об этом сообщает Продолжатель Феофана. Ее построил Василий I (867—886) с северо-восточной стороны императорского дворца. У нее не было своего входа, так как она была пристроена к соборной церкви Богоматери Фаросской, и нужно было сначала войти в нее, чтобы затем, свернув направо, попасть в церковь (или придел) пророка Ильи, чем и объясняется двукратное упоминание церкви в вышеприведенной формуле (*в церкви пророка Ильи — в соборной церкви*). Константин Багрянородный называет церковь Ильи-пророка как "церковью" (εὐκτήριος ὄκος), так и "приделом" (παρεκκλήσιον) (*De cerim. I. P.116*). См. о ней: *Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople*. P., 1910. P. 133, 136ff, 173ff., 187 (*Objekte Nos 38, 39*); *Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin*. P., 1969. T.III. P.136—137.

оговоренных в ней условий. Язычники снимают с себя оружие и украшения и клянутся, что Игорь и все прочие, пославшие их, признают все, написанное в грамоте, и будут вечно соблюдать это, ибо нет другого способа князю Игорю добиться мира. Наказания для нарушителей клятвы указываются те же, что и в санкциях.

В последних параграфах посреднической грамоты еще раз повторяется ратификационное обещание, причем в непрямой форме (в других посреднических грамотах такого не встречается). В этой формулировке еще раз повторяется обязательство русской стороны: "Да аще будет добръ устроиль миръ Игорьъ великий князь, да хранить си любовь правную, да не разрушится, дондеже солнце съяет и весь миръ стоять, в нынешния вѣки и в будущая."

Посредническая грамота не датирована. Редакция субъективная: посредники говорят о себе во множественном числе первого лица. О своей стороне договора говорится то субъективно ("наша страна", "наш князь"), то объективно ("страна русская"); о византийском императоре говорится объективно.

Если мы сравним формулы итальянских посреднических грамот с русскими в грамоте 944 г., мы обнаружим, что, во-первых, порядок расположения формул совершенно идентичен. Во-вторых, в самих формулах есть лишь незначительные расхождения: так, в русской грамоте на месте подробной наррации стоит аренга, а на месте простого запрета нарушения стоит более подробная санкция.

Продолжение следует)

Перевод с немецкого Т.Ю.Бородай